

Психологи Отечества

ВСПОМИНАЯ В.Д. НЕБЫЛИЦЫНА

Минуло 25 лет со времени трагической гибели Владимира Дмитриевича Небылицына. Он ушел молодым, в 42 года, находясь в поре стремительного развития своих возможностей ученого и организатора науки, вызывая к себе всеобщий интерес и уважение. К этим годам он стал одним из основателей науки дифференциальной психологии, оказал глубокое влияние на стиль ее исследований, добиваясь объективности и верифицируемости данных, ответственности. Им были введены в практику исследований новые электрофизиологические и математические методы. Благодаря трудам В.Д. Небылицына дифференциальная психофизиология в нашей стране достигла уровня мировой науки, внеся в нее признанный и весомый вклад.

При малом сроке его деловой активности, уложившемся всего в 15 лет, след, оставленный им в науке и психологическом сообществе, оказался глубоким и долгим. Постараемся понять, почему многие – коллеги, ученики, друзья – тепло вспоминают о нем, бережно сохраняют его работы, идеи, фотографии, считают ярчайшей личностью? Почему к памяти о нем примешивается оттенок печали?

Недавно вышла книга*, в которой собраны воспоминания людей, знавших Небылицына в университетские годы, в аспирантуре, по работе. Для более полного освещения биографии Владимира Дмитриевича возникла идея побывать на его родине, в южноуральском городе Челябинске, где живет его мать, на 25 лет пережившая сына. Ведь многое становится понятнее у истоков...

Так осенью 1994 года я оказалась в Челябинске, родительском доме Владимира Дмитриевича, встретила с его матерью Нирсой Николаевной Небылицыной, школьным другом М.А. Никифоровым, побродила по городу, чтобы познакомиться с ним.

Конечно, мои впечатления относятся к сегодняшнему времени, людям, живущим в городе ныне, и многое изменилось с тех пор, когда там жил Володя Небылицын. Тем не менее, оказавшийся в моих руках материал позволяет, как мне кажется, почувствовать атмосферу давних лет, отметить проявившиеся в детстве интересные черты характера ребенка, поразмышлять над обстоятельствами жизни, в которых он вырос. В этих материалах оказалось нечто, что позволило лучше понять, как провинциальный мальчик, приехавший в столицу без родства, связей и средств, сумел по истечении сравнительно короткого времени так высоко подняться в науке и глазах знавших его людей.

Нирса Николаевна (до замужества Емельянова) рассказала, что жизнь ее семьи всегда была трудовой и нелегкой. Замуж за Дмитрия Гавриловича Небылицына она вышла в конце 20-х годов. Сначала жили в Троицке, небольшом городе Челябинской области, там 21 августа 1930 года родился первенец Владимир, в домашнем кругу – Вова. Вскоре переехали в Верхнеуральск, где на свет появился второй сын Борис. В 1937 г. Дмитрий Гаврилович был направлен в Челябинск на работу главным бухгалтером политехнического института. Получили казенную квартиру – половину

* В.Д. Небылицына. Жизнь и научное творчество. М., 1996. 384 с.

деревянного дома вблизи железнодорожного вокзала. В ней две комнаты, кухня, чулан. Возле дома – небольшой дворик, где Нирса Николаевна разводила огород.

...Очень рано Володя стал проявлять незаурядный характер. Известен случай, когда четырех лет отроду в первый же день, когда мать отвела его с братом в детский сад, он ушел без спроса домой, прихватив с собой братишку. Причина была в том, что в саду ему не понравилось, а длинная незнакомая дорога через лес страха не вызвала.

Мать рассказала такой случай из детства сыновей, еще дошкольного. Нужно было делать обязательные профилактические прививки. Врач с сестрой пришли на дом, а мальчики, узнав об этом, забрались на печь и подняли невообразимый рев. Сделать с ними что-либо было невозможно, и медичка отступила. Действуя согласно, мальчики уже тогда представляли порядочную силу и умели постоять за себя. А в прививках они и в самом деле не нуждались, поскольку хорошая генетическая основа и суровая уральская закалка сделали их практически неподверженными болезням.

Уже маленьким Володя стал проявлять интерес к умственным занятиям. К четырем годам самостоятельно и непонятно при каких обстоятельствах он научился читать. В 8 лет – сроку, когда в то время дети начинали учиться в школе, – он не только бегло читал, но уже хорошо писал и считал. Учительница 1-го класса, куда он пришел в свои 8 лет, сразу перевела его во 2-й, где скоро он стал лучшим учеником.

Пришло грозное время 41 года. Челябинск наполнился военными, формировались части для отправки на фронт. Был призван и Д.Г. Небылицын, однако из-за хронической болезни оставлен в городе для работы в военкомате, хотя жил в казарме.

Между тем жизнь братьев шла по своим правилам. Будучи дружны между собой, они тесно общались и с ребятами из соседних домов, школы. Участвовали в мальчишеских забавах, не всегда безопасных. Так, например, было у них увлечение кататься зимой по скользкой дороге, зацепившись железным крюком сзади проезжающей машины. Мать однажды увидела на улице таких "спортсменов" и ужаснулась. Пришла домой и спрашивает сыновей: "Неужели и вы так катаетесь?". "Не бойся, мама, – отвечают те, – мы всегда цепляемся только за последний грузовик, за которым никто больше не едет".

С поступлением мальчиков в школу их интересы сместились в учебную сферу. С 5-го класса Володя сидел за одной партой с Мишей Никифоровым (тем самым, кого я повстречала во время поездки в Челябинск и кому благодарна за рассказанные истории о школьном друге). Время их встречи относится к 1942 году. Это был трудный год для многих, в том числе для семьи Небылицыных. Шла война, и победа была далека. Положение семьи Никифоровых было в то время существенно лучше: отец Миши работал ведущим инженером на Челябинском тракторном заводе, знаменитом ЧТЗ, выпустившем во время войны тысячи боевых танков; Мишина мать, окончив педагогический институт, преподавала в школе английский язык. В семье была хорошая, оставшаяся еще от бабушки библиотека.

Володя подружился с Мишей не сразу, но с 6-го класса – они не разлей вода и в школе и вне ее, и эта дружба, видимо, оказала на Володю значительное влияние. Особую привлекательность представляла для него библиотека. У Никифоровых он читал запоем, много и быстро. Настолько увлекался, что порой читал на ходу, идя от друга домой. Тогда, видимо, и была заложена его поражающая впоследствии начитанность.

Не остались без использования и профессиональные возможности Мишиной мамы. Володя захотел учить вместе с Мишей английский язык (в школе у них был немецкий). Когда стали заниматься, Володе понравилось, он стал учить язык со старанием и интересом, часто сидел с учебниками. Миша это увлечение не разделял, а у Володи английский язык остался любимым. Много позже, свободно владея им профессор Небылицын успешно делал доклады на международных встречах, легко общался с иностранцами.

В школе любимыми предметами Володи были литература и русский язык. В то время были приняты контрольные диктанты, которые Володя прекрасно писал и еще

успевал заглядывать в тетрадь соседа, чтобы показать ему ошибки. Случалось, он отмечал ошибки учителей. Миша помнит, как однажды учительница неправильно написала на доске географическое название. Никто не обратил внимания, а Володя прошептал соседу: "Смотри, она две ошибки в одном слове сделала".

Поскольку интеллектуальные способности Небылицына хорошо известны, многие думали, что все школьные годы он учился блестяще. Однако это не совсем так. Сохранились любопытные подлинные документы. Это похвальные грамоты за отличные успехи и примерное поведение за 4-й и 5-й классы. А вот ведомость за 1943–44 учебный год (7-й класс) представляет иную картину. Первые две четверти отметки главным образом "пос" и "хор", в 3-й и 4-й четвертях дело получше. Зато "испытания" (экзамены) – все "5", годовые отметки тоже почти все "5". Неплохой материал для психологического анализа. Трудности в начале года, потом – волевой рывок, блестяще сданные экзамены и общий хороший итог. Есть еще одна интересная строка – "количество пропущенных учебных дней". В 1-й, 3-й и 4-й четвертях – по одному дню, во 2-й четверти – 0. В терпеливом трудолюбии Володе отказать нельзя было и тогда.

Интересно отметить, что при "шатании" отметок слабыми местами в ведомостях оказывались обычно алгебра, геометрия, физика. Нирса Николаевна вспоминает фразу сына: "Мама, я не математик". Это удивительно, поскольку позднее в своей научной деятельности он как раз проявил хорошие математические способности.

В аттестате зрелости от 27 июня 1947 г. по всем предметам – "5". Володя Небылицын награжден по окончании школы золотой медалью. Такой аттестат, согласно государственному "Положению о золотой и серебряной медалях", давал его владельцу право на поступление в высшие учебные заведения Союза ССР без вступительных экзаменов.

В жизни каждого человека, оканчивающего школу, "золотой" аттестат значил многое. И мы еще вернемся к этому вопросу. Нужно отметить, что не одни академические успехи волновали юного Небылицына. Он увлекался спортом, часто ходили с друзьями на каток. Хотя своих коньков не было, проблема решалась – их брали напрокат. Занимались гантелями, качали мускулы. В связи с этим старались побольше есть сахара, хотя с этим были трудности, шла война, продукты выдавались с большими ограничениями по карточкам.

Свидетелями увлечения Володи спортом остались маленькие старые фотографии, на наш сегодняшний взгляд – неумелые, непрофессиональные. Но в них много своей, можно сказать, исторической выразительности. Внимание привлекают не только юные спортсмены, но и зрители: в ватниках, зимних дешевых шапках. Таковы были "массы" тех лет. Спортсменам же, судя по всему, выдавали спортивную одежду, одинаковые майки и трусы. В те времена такая форма представляла собой ценность, из-за нее порой и трудились на соревнованиях.

Большое место в жизни Володи занимала музыка. Видимо, мать передала ему музыкальную одаренность. Он любил слушать музыку, помнил много мелодий, часто насвистывал их. Приемников в то время в семьях не было, их реквизировали, "чтобы граждане зря не слушали злобную информацию". Володя сам сделал адаптер, доставал пластинки. Особенно любил американский джаз. В доме друзей пробовал играть на пианино.

Во время войны в городе были в моде почему-то ночные концерты, которые проходили в кинотеатрах. Перед большим залом к роялю выходили певцы. Исполняли в основном военный репертуар. Мальчиков интересовало и это. А еще больше – настоящий Малый театр, приехавший из Москвы в эвакуацию в Челябинск. Правдами и неправдами проникали в театральное помещение, охотно смотрели пьесы Островского. Вообще молодежная жизнь была активной. Город был не очень большой, знали многих сверстников. В летнее время на "колбасе" (т.е. снаружи переполненного трамвая) приезжали в центр города, подолгу гуляли по парку. В

хорошую погоду купались в бывших каменоломнях: в них скапливалась грунтовая вода, она хорошо прогревалась, и купание было отличное.

Но вот приблизилась весна 1947 года, а с ней и время выпускных школьных экзаменов, окончание школы. По тогдашним правилам первым экзаменом было сочинение. Только пятерка давала право на получение медали: золотой при пятерках по всем остальным предметам и серебряной при одной-двух четверках по другим предметам. Володя и Миша оба получили за сочинение пятерки. Писали на модную в то время тему о революционных демократах. Володино сочинение ходило впоследствии по городу как образец в помощь следующим поколениям выпускников.

Володя Небылицын сначала хотел ехать в Ленинградский университет изучать филологию, он считал, что в этом городе самая лучшая в мире библиотека. Потом изменил намерение: почему послал документы на филологический факультет МГУ — этого сейчас, по-видимому, никто сказать не может. Так или иначе документы посланы заказным письмом. Миша Никифоров направил свое заявление в МАИ. В середине августа получены одинакового содержания ответы: "Вы зачислены, Вам предоставляется место в общежитии. Приезжайте около 20 августа".

Наступило время основательных сборов. Были уже куплены билеты, бесплатные, подешевле. Друзья ожидали на перроне московский поезд, простой пассажирский, до Москвы ехать трое суток (в наши дни 36 часов). Вот он показался, приблизился на тихом ходу, и ребята, рассчитав место остановки вагона, вскочили на подножку, передали один другому вещи, побежали занимать верхние полки. На них и ехали трое суток. И наконец: "Поезд прибывает в столицу нашей родины — город Москву". Столица! Какая она? Что ждало их там?

На Казанском вокзале с первых же шагов действительность потребовала проворства. У выхода было организовано нечто вроде таможни. Привезенные вещи требовалось ставить на весы и платить за излишек веса по сравнению с установленной нормой. Наши приезжие не растерялись, нашли каких-то ловкачей и за определенную мзду по рельсам были выведены на площадь за пределы вокзала.

И тут настало время расстаться. Володя ехал на Стромынку, в общежитие МГУ, Миша — на Ленинградский проспект, в МАИ. "Прощай!", — и позади остались годы школьной дружбы (в Москве они встречались редко). Но молодое ухо еще не слышит печали в словах прощанья. Все впереди!

С переездом в Москву связь с родным домом у Володи не прервалась. Он постоянно приезжал в Челябинск на каникулы, а позднее в отпуск, писал письма (они хранятся Нирсой Николаевной), посылал матери посылки по почте. Он очень любил мать.

* * *

На филологическом факультете МГУ в 1947 году было организовано новое отделение по специальности — русский язык, логика и психология. На него и попал юный золотой медалист из Челябинска, хотя стремился поначалу на классический русский язык и литературу. Но стерпелось — слюбилось, и студенческая жизнь пошла своим чередом. Занятия были достаточно увлекательными, экзамены легко сдавались на пятерки, были друзья, интересные дела и встречи вне университета. Единственная ахиллесова пята — идеологические предметы. Досадные четыре балла за госэкзамен по основам марксизма-ленинизма помешали получить престижный и безусловно заслуженный красный диплом об окончании университета.

Были и другие проблемы, в их основе, похоже, лежали юношеская независимость и честность, нежелание конформистски склонять голову перед "полицией нравов" тех времен. Однажды ему пришлось объясняться с секретарем комсомольского бюро курса по поводу того, как он дерзает не интересоваться произведениями советской послевоенной литературы. Еще более тяжелой провинностью была независимая позиция, выраженная им в отказе от участия в травле одного из студентов факультета, персональное дело которого разбиралось на комсомольском собрании.

Так или иначе, но блестяще учившийся В. Небылицын по окончании университета был распределен на работу в Дагестан, учителем средней школы и методистом Института усовершенствования учителей в Махачкале. Похоже, это было чем-то вроде ссылки. Там он проработал два положенных года.

* * *

Осенью 1954 года он приехал в Институт психологии АПН в Москву, поступать в аспирантуру. Что его особенно отличало – это подчеркнуто модная одежда и прическа, что вызывало осуждающую характеристику тех лет – стиляга. Характеристика эта довольно надолго закрепилась за ним и немало мешала в установлении уважительного к нему отношения.

Однако вопреки первому неблагоприятному впечатлению он блестяще сдал вступительные экзамены в аспирантуру. В то время они отличались серьезностью. Экзаменаторы составляли цвет психологической науки, и эти авторитеты без колебания поставили юноше-стиляге высшие оценки по всем пунктам и с самой лестной характеристикой приняли в аспирантуру. Еще более показательно то, что могущественный Б.М. Теплов тут же протянул ему властную руку, пригласил в свою лабораторию и до конца дней сохранил к нему привязанность.

Началась вольная аспирантская жизнь. В то время аспирантское общежитие Института психологии находилось в подвале. Это была довольно большая полутемная комната на 4–5 человек, убогая мебель, два окна, в которые видны ноги прохожих. Здесь прошли аспирантские годы.

Для Небылицына это было время увлечения экспериментальной работой. В диссертации он исследовал гипотезу, предложенную Б.М. Тепловым, о связи силы нервной системы с чувствительностью. Сильный тип нервной системы – он же низкочувствительный, слабый – чувствует тонко. Испытуемыми часто были свои же подрабатывающие (1 рубль в час) коллеги-аспиранты. И каким же личностно значимым был интерес к лабораторным показателям персон, хорошо известным по жизни! Наверно, потому так легко и возникали у экспериментатора новые идеи, новые методические пробы. Как экспериментатор Володя был точен и строг, а как испытуемый вопреки научной идее хотел быть сильным и чутким. Таким он и был.

Соседом по комнате, поселившимся на рядом стоящей койке, стал А. Васильев – врач, изобретатель, душа-человек, тоже родом из Челябинска и аспирант Б.М. Теплова. Они стали друзьями. Однажды у А. Васильева случилась беда. В распоряжении лаборатории Теплова были так называемые "черные" комнаты, где проводились исследования зрительной чувствительности. Эти комнаты были без окон и с черными стенами. В зимнее время из-за очень горячей батареи было жарко и душно, трудно работать. Леша вместе со своим испытуемым взялся усовершенствовать батарею, но когда они принялись за дело, видимо, неумело, в помещение под давлением хлынула страшно горячая вода, почти кипяток. Пока удалось перекрыть воду в здании, она пролилась с верхнего этажа на два нижних, затопила зал второго этажа с его приборами в шкафах, обрушила люстру и пр. Результат был ужасным. Дирекция решила исключить А. Васильева из аспирантуры. Друзья пришли на помощь Леше в этот трудный для него момент, а Небылицын был первым среди них. Собрали аспирантское собрание, пошли к директору: "Ведь Леша хотел как лучше. Это его несчастье, не столько вина. Помилосердствуйте!". И им пошли навстречу, Лешу лишь перевели в заочную аспирантуру. Позднее он провел необходимую работу и защитил диссертацию.

Кроме науки, было много других занятий. Рядом с институтским зданием на асфальте устроили волейбольную площадку. В теплое время азартно играли в волейбол. Еще увлечение – музыка. Небылицын был очень музыкальным. Он сам говорил, если бы был голос, мог выступать со сцены. В то время увлекался джазом. Где-то доставал новейшие интересные записи, их подолгу слушали в аспирант-

ском подвале. Потом Володя с поразительной точностью высвистывал сложные мотивы.

А вот еще одно увлечение – драмкружок. Дело было поставлено серьезно: преподаватель-режиссер, долгие репетиции, система Станиславского, теория сценической игры. И вот Володя Небылицын – герой-любовник на сцене в большом зале. Но, о ужас, он не в силах повернуться к зрителям, стоит почти спиной, сдавленным голосом говорит чужие слова, скован и сам презирает себя за это. Зрители вежливо хлопали. Но потом, уже после спектакля, собравшись аспиранты весело посмеялись над героем: "Не думай, что ты все можешь".

Но мог все же многое. Не было равных ему по литературной образованности. Казалось, он читал все. Память имел прекрасную. Редкие в те времена литературные имена (все больше западные) были ему неожиданно знакомы и близки: Джойс, Ионеско, Маркес. Знания имел в разных сферах, о многом судил нетрадиционно. Сам писал выразительно и абсолютно грамотно. В какой-то момент увлекся фотографией и с чудесной щедростью и художественной чуткостью снимал окружающих. Какие волшебные кадры! Щедрость и в другом была ему присуща. Скупая аспирантская стипендия ограничивала джентльменские склонности (пригласить подружку в театр, ресторан), и тогда он ходил ночами на вокзал разгружать вагоны.

Прошли аспирантские годы. В. Небылицын успешно защитил кандидатскую диссертацию, встал вопрос о его дальнейшей судьбе. Теплов просил институтское начальство оставить Небылицына в лаборатории, хотя бы в должности лаборанта. Оппозиция возражала (не так думает, не с тем дружит). Теплов сказал: "Он гениален. Если его не возьмут, я уйду". Его взяли на лаборанта. Он согласился и пробыл на этой должности год.

...Затем началось неуклонное, неостановимое восхождение. Усилиями Небылицына, теперь уже Владимира Дмитриевича, лаборатория получала все новые импульсы для своего развития: укреплялись и входили в обиход новые для психологов математические методы факторного анализа, вводились ЭЭГ-методы, предлагались оригинальные экспериментальные методики, развивалась теория проблемы. Получаемые материалы сложились в книгу "Основные свойства нервной системы" (М., 1966). На основе книги в 1965 году Владимиром Дмитриевичем была успешно защищена докторская диссертация.

Еще до защиты, в январе 1965 года, он был назначен на должность заместителя директора Института психологии АПН СССР по научной работе. Ему был предоставлен отдельный кабинет – маленькая комната на втором этаже института, что было знаком чрезвычайно больших полномочий. Однако новая позиция не изменила общего тона его взаимоотношений с людьми: он оставался спокойным, сдержанным, расположенным. Люди отмечали, что он несколько не стремился к внешней эффектности, не старался покрасоваться или показать официальную требовательность. Общая направленность его действий – деловая и позитивная. Главный вектор – соблюдение уровня современности, доказательности, преодоление архаичности и отсталости. В этом он был неутомим и требователен. Он старался объединить усилия всех сотрудников для получения новой аппаратуры и был успешен в этом. Ему удалось организовать в Институте вычислительный центр, найти специалистов для работы в нем – математиков, программистов. (Некоторые из них впоследствии стали его учениками, докторами психологических наук.) В то время это было очень ново, необычно. Вычислительная техника в виде громоздких медленных компьютеров делала только первые шаги на научной почве.

На взлете своей активности он пережил потерю учителя – Бориса Михайловича Теплова, который, несомненно, оказал огромное влияние на научную и жизненную судьбу Небылицына и был для него подлинным авторитетом, учителем в самом высоком смысле. Лаборатория, в течение многих лет возглавляемая Борисом Михайловичем, без колебания предложила Владимиру Дмитриевичу занять место заведующего. А ведь это был коллектив звезд, подбираемых Б.М. Тепловым "под себя",

каждый со своим багажом, почти все старше Небылицына. Однако проблем не возникло — ни научных, ни личностных. Общее дело было выше всего.

Итак, молодой доктор психологических наук, заведующий передовой лабораторией Института психологии АПН СССР, заместитель директора по науке этого же Института, перспективный увлеченный исследователь и организатор науки, удачливый в своих начинаниях. В 1968 году он получает звание профессора, вскоре избирается членом-корреспондентом Академии педагогических наук. Признание его достижений, путь к которым был серьезным и далеко не легким, стало всеобщим.

Им заинтересовались западные ученые. В уже упоминавшейся выше книге о В.Д. Небылицыне опубликована подборка писем, обращенных к нему в период 1969–1972 годов. В этих письмах — приглашения войти в состав редколлегий международных журналов и организационных структур, предложения к опубликованию работ, запросы на получение данных. По этим материалам с очевидностью обнаруживаются тот высокий научный авторитет и признание в международном научном сообществе, которые Владимир Дмитриевич получил в своем еще совсем молодом для ученого возрасте.

Есть еще одно обстоятельство в биографии Небылицына, о котором нельзя не сказать, поскольку вне всякого сомнения оно оказало большое влияние на его судьбу. Это встреча с Борисом Федоровичем Ломовым, переехавшим в конце 60-х годов из Ленинграда на работу в Москву. Они стали близкими соратниками и даже друзьями. Почему? Были ли они похожи по складу характеров, как это иногда утверждают?

Думаю, нет. Крупный, с громким голосом экстраверт Ломов не чуждался компаний, был их центром и душой, в науке в то время интересовался практической направленностью, свою докторскую сделал в области инженерной психологии. Сдержанный и утонченный, очевидно интровертированный Небылицын, слишком гордый и самолюбивый для шумных компаний, в науке был, несомненно, в первую очередь естественнонаучно ориентированный теоретик. Все — разное.

А теперь скажу, да, были похожи между собой почти как братья, при всех своих генетических, стилистических и вкусовых различиях. Оба синеглазые, с ранней сединой в густых темных волосах, оба атлетического сложения при разнице в росте, близкие по возрасту. Известно, что в университетской проходной они пользовались одним пропуском.

Но самое главное их сходство — в жизненной ориентации, масштабности помыслов и действий, вере в психологию как в науку будущего и готовности служить этому будущему не щадя своих сил. На этой основе, думаю, они и сошлись. Стали разрабатывать план действия для создания "большого" Института психологии в составе Академии наук. Конечно, в реализации этого плана принимали участие крупные академические силы: П.К. Анохин, А.И. Берг, В.В. Парин, с психологической стороны — А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, В.П. Кузьмин, были военные.

Я дважды слышала, как Борис Федорович на юбилейных празднествах Института рассказывал о том времени, всегда с радостью и гордостью, будто это были дни ответственных сражений и славных побед. Вспоминал, как много пришлось преодолеть сопротивления, косности, убедить, завоевать. Вставали разные вопросы: что Институт даст стране, каковы научные основания для принятия предлагаемых планов и обещаний, кто сможет их выполнять, какие требуются средства, аппаратура, кадры и многое другое. Сверх всего требовалось доказать, что люди, берущиеся за дело, заслуживают доверия, надежны, серьезны. И они доказывали, объясняли, напоминали, нажимали, подталкивали. Если на вечерней встрече с тем или иным начальником ставились вопросы, пусть даже самые трудные, на завтра же утром на них давались серьезные обоснованные ответы.

В этих трудах они были равными, плечом к плечу соединяя свою волю, эрудированность, ум, а порою и хитрость. А потом, когда дело подошло к завершающему моменту, В.Д. Небылицын спокойно и уверенно отошел на второй план — заместителя директора Б.Ф. Ломова, не ожидая при этом аплодисментов. Перед этим он занимал

пост заместителя директора в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР. Его очень не хотели отпускать оттуда в новый институт, упрашивали остаться, давали обещания, даже умышленно затягивали выдачу характеристики для нового места работы.

Но сложилось иначе. В новом институте он проработал меньше года, а в конце лета 1972 года запланировал поехать с женой в отпуск. Становление института шло полным ходом, организовывались исследовательские лаборатории, подбирались сотрудники (желающих было множество), приобреталась и заказывалась аппаратура. Он определил течение дел в свое отсутствие и договорился: "Когда я вернусь..."

Он не вернулся. Самолет упал в море.

Т.Н. Ушакова, член-корр. РАО, профессор